

Polm.8_666 P0Lm.8_666

Нужная каска

18+

Нужная каска

<https://litres.ru/74379963>

SelfPub; 2026

Аннотация

Завод. Цех. Сварщик, который приходит в шесть утра, надевает мокрую спецовку и варит. Каждый день — один и тот же шов. Одна и та же дуга. Одна и та же спина, мокрая от пота.

По цеху ходит УО. Он не говорит. Он мычит. Он смотрит на сварщика так, как смотрят на огонь: не мигая, с открытым ртом, со слюной на подбородке. Он подбирает с пола болтик. Прячет в карман. Никому не показывает.

Через два дня балка сорвётся с крюка. Каска останется лежать на верстаке. Все скажут: виноват завод. Или сварщик. Или судьба. Но правда будет зажата в грязной ладони. Маленькая, блестящая, тёплая.

Это книга о людях, которые не говорят. О людях, которые не носят каску. О людях, которые улыбаются не потому, что им хорошо.

Это не история. Это смена.

Содержит сцены, которые могут быть тяжелы для восприятия: производственный травматизм, гибель человека, психическое расстройство, детальное описание бытовой и эмоциональной безысходности.

Содержание

Глава	4
### Дисклеймер	5
### Глава 01. Сварщик	10
### Глава 02. вОШЁЛ	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Нужная каска

Глава

Дисклеймер

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все события, персонажи, организации, должности, диалоги и обстоятельства, описанные в тексте, не имеют отношения к реальным лицам, предприятиям, государственным органам, общественным объединениям, религиозным и профессиональным группам.

Любые совпадения с реальными людьми, как ныне живущими, так и ушедшими, с реальными событиями, названиями, адресами, производственными объектами, судебными процессами, медицинскими учреждениями, правоохрательными и надзорными органами, а также с любыми другими фактами действительности являются случайными и непреднамеренными.

Автор не ставит целью оскорбить, унижить, дискредитировать или опорочить кого-либо по признаку пола, возраста, расы, национальности, гражданства, языка, происхождения, имущественного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, состояния здоровья, психического или физического развития, принадлежности к каким-либо социальным, профессиональным, этническим или иным группам.

пам.

Автор не призывает к насилию, жестокости, причинению вреда, нарушению законодательства, неуважению к власти, правопорядку, общественным институтам, нормам морали и нравственности.

Текст не содержит пропаганды, агитации, рекламы, инструкций, советов или рекомендаций к совершению каких-либо действий.

Произведение предназначено исключительно для чтения лицами, достигшими восемнадцати лет, или возраста, эквивалентного максимальному возрасту наступления полной дееспособности в используемой юрисдикции.

Содержание может быть воспринято тяжело. В тексте присутствуют описания производственной среды, бытовой безысходности, эмоциональной пустоты, психического расстройства, физической гибели человека, а также иных сцен, которые могут вызвать у читателя сильные переживания.

Если вы находитесь в уязвимом эмоциональном состоянии, переживаете утрату, депрессию, тревожное расстройство или иные состояния, при которых подобные тексты могут причинить вред, — отложите чтение.

Автор не несёт ответственности за эмоциональные реакции, возникшие в результате прочтения.

Чтение данного произведения означает, что вы осознанно принимаете его характер, тон и содержание.

Никакие фрагменты текста не должны рассматриваться как утверждение о реальных фактах, как мнение автора о реальных людях, событиях, государственных или общественных институтах.

Всё написанное — вымысел.

В том числе — молчание.

Произведение не содержит скрытых смыслов, зашифрованных посланий, призывов к толкованию, аллюзий на конкретные политические режимы, системы управления, государственные символы, должностных лиц, партии, движения, армии, суды, тюрьмы, заводы, больницы, школы, церкви, кладбища, дороги, дома, квартиры, лестницы, подъезды, двери, окна, лампочки, каски, болтики, сварочные аппараты, электроды, швы, окалину, пот, кровь, слюну, мычание,

тишину, дождь, серый свет, пустые комнаты, мокрые спины, чужие смерти и свои смерти.

Ничто из вышеперечисленного не является метафорой.

Ничто не является утверждением.

Ничто не является советом.

Всё — только текст.

Текст без свидетелей.

Текст, который не зовёт.

Текст, который не обещает.

Если вам показалось, что вы узнали себя, — вам показалось.

Если вам стало не по себе — так и было задумано.

Если вам захотелось закрыть книгу — закройте.

Если вы продолжили читать — это ваш выбор.

Автор не принуждает.

Автор молчит.

И только где-то очень далеко, за пределами страниц, в пустом цехе, под гул вентиляции, звучит одно и то же:

— М-м-м... м-м-м... м-м-м...

Глава 01. Сварщик

Он пришёл в цех в начале седьмого утра. Ещё затемно. Проходная гудела лампами, охранник смотрел сквозь него, пропуск приложил не глядя. В раздевалке пахло сырой одеждой, старым табаком и чем-то кислым — то ли потом, то ли плесенью из душевой. Он открыл свой шкафчик, тот скрипнул, как несмазанная петля. Внутри лежали рукавицы, запасной электрод, обрывок провода, пустая пачка сигарет. Он переоделся. Спецовка была холодная, жёсткая, пахла вчерашним дымом.

Цех встретил его темнотой. Верхние лампы ещё не включили, горели только дежурные — далеко, через пролёт. Он шёл по бетонному полу, и каждый шаг отдавался глухо, как будто пол был пустой внутри. Сварочные посты стояли вдоль стены: кабины, сваренные из листового железа, с закопчёнными стенками и выгоревшими козырьками. Его кабина — предпоследняя. Над ней висела табличка с номером, прибитая одним гвоздём, второй конец отогнулся, и табличка висела косо.

Он включил местный свет. Лампа на кронштейне мигнула, затрещала, разгорелась неровным жёлтым. Стало видно:

верстак, тиски, ящик с электродами, старый аппарат на колёсах. Всё покрыто мелкой металлической пылью, которая блестела под светом, как серая изморозь.

Он сел на стул. Стул был самодельный, из обрезков профиля и доски, прикрученной болтами с гайками. Доска вытерлась до блеска. Он сидел и смотрел на деталь, которую не доделал вчера. Уголок шестьдесят на шестьдесят, пластина, струбцины. Все на месте. Смена ещё не началась, но он уже начал работать. Не потому что надо. Потому что иначе некуда девать руки.

Надел рукавицы. Одна была с дыркой на указательном пальце. Он знал эту дырку, обходил её, когда брал горячий металл. Взял электрод, повертел. Обмазка на конце чуть отбита — значит, лежал в ящике под другими, придавили. Он всё равно вставил его в держак.

Маску взял левой. Она была тяжёлая, с трещиной в нижнем углу. Трещину он заклеил изолентой ещё месяц назад. Изолента обгорела, затвердела, но держала. Он прижал маску к лицу. Внутри пахло резиной и сваркой. Стекло было залепано брызгами — мелкие чёрные точки, как мухи. Он не протирал его со вчерашнего дня.

Опустил маску. Свет исчез.

Взял держак. Чиркнул электродом по пластине. Искры полетели в стороны, но дуга не встала. Чиркнул ещё раз, с нажимом, почти ударил. Вспыхнуло. Белый свет ударил в тёмное стекло. Он прищурился, хотя щуриться было не нужно — стекло берегло глаза. Привычка.

Дуга зашипела. Ровно, с лёгким гулом. Он вёл электрод вдоль стыка, медленно, но без остановок. Рука не дрожала. Плечо уже ныло — старая травма, отдавало в лопатку, когда держал руку на весу. Он не менял позы. Знал, что если податься боли, шов поведёт.

Металл плавился. Ванна блестела под электродом, жидкая, подвижная. Он вёл дугу так, чтобы не перегреть кромку. Если перегреть — металл потечёт, прожжёт пластину. Он знал этот момент без приборов: когда ванна начинает белеть, а шипение становится выше, с присвистом. Тогда нужно чуть отвести электрод или ускорить шаг. Он чувствовал это кончиками пальцев, через держак, через провод, через ток.

Шов ложился чешуёй. Каждая чешуйка — след от шага электрода. Он не считал их. Просто вёл. Искры били в фартук, в маску, в стену кабины. Некоторые залетали за ворот. Он дёргал плечом, но не прерывался. Ожог — не повод остановиться.

Дошёл до конца. Оборвал дугу, отведя электрод в сторону. В ушах — тишина, только вентиляция где-то далеко. Он поднял маску. Свет резанул по глазам, хотя был тусклым. Белое пятно плавало перед зрачками, как пятно от солнца.

Шов темнел. Окалина вздувалась, трескалась, отлетала сама. Он смотрел на него, не трогая. Потом взял молоток. Оббил шлак. Куски падали на пол, рассыпались. Под ними — металл, серый, с синевой. Ровный.

Он перевернул деталь. Зажал в тиски. Взял новый электрод. Постучал по столу — кончик обломился, обнажив свежую обмазку. Вставил. Опустил маску.

Снова чиркнул. Снова вспыхнуло. Снова шипение.

Он варил и думал о том, как пахнет сварка. Не дым, не газ, а именно сварка: горелое железо, озон, что-то сладковатое от обмазки. Этот запах въедался в волосы, в брови, в ноздри. Дома, когда он ложился спать, подушка пахла сваркой. Даже простыни. Даже вода в кране, если долго держать руки под струёй, отдавала железом.

Он остановился. Электрод сгорел до держателя. Огарок выбросил в ведро. Вода в ведре была ещё со вчерашнего дня,

чёрная, с масляной плёнкой. Огарок ушёл на дно. Пар не поднялся — вода остыла.

Он снял маску, положил на верстак. Стёкла забрызганы сильнее прежнего. Он снял рукавицы. Пальцы были белые, с красными пятнами. На указательном — трещина, забитая копотью. Он не стал её чистить.

Сел на стул. Потёк по вискам. Пот был солёный, щипал глаза. Он вытер лицо тыльной стороной ладони. На руке остался чёрный след.

Через пролёт кто-то включил болгарку. Визг металла ударил по ушам, отразился от стен. Он не обернулся. Достал сигарету. Сунул в рот. Не зажёг — курить в цехе нельзя, но можно просто держать. Держал.

Потом снова встал. Взял следующую деталь. Труба сороковая, срез косой, кромка с заусенцами. Нужно прихватить к фланцу. Он зажал трубу в тиски, подогнал фланец, постучал молотком, чтобы село плотно. Взял держак.

Перед тем как опустить маску, он на секунду закрыл глаза. Под веками — всё то же белое пятно, размытое, дрожащее. Он открыл глаза. Опустил маску.

Снова стало темно. Снова чиркнул. Снова вспыхнуло.

Сварка — это когда темнота на полсекунды становится белой, а потом снова темнота. И так весь день. Пока не кончится смена. Пока не погаснет дежурный свет. Пока не закроется дверь раздевалки.

Он варил. Вокруг было железо, шум, пыль. Снаружи, за стенами, уже рассвело, но он не видел. Ему не нужно было видеть. Ему нужно было только держать дугу ровно.

Когда смена закончилась, он не сразу остановился. Доварил последний прихват. Отложил держак. Снял маску. В цехе было тихо. Только вентиляция, только капли конденсата на трубах.

Он сел. Посидел минуту. Потом встал, смотал провод, повесил держак на крючок. Снял фартук. Сложил. Положил на верстак.

Вышел из кабины. Оглянулся. Стены в копоти, пол в окалине, ведро с огарками. Всё как вчера. Всё как завтра.

Он выключил лампу. Она мигнула и погасла. Цех снова стал серым.

Он пошёл к выходу. Шёл не спеша. Бетон под ногами был тёплый от сварки — не весь, только у постов, где работали. Он ступал по тёплым пятнам, не думая об этом.

На улице шёл дождь. Мелкий, косой. Он поднял воротник. Закурил. Спичка отсырела, сломалась. Вторая зажглась с третьего раза. Он стоял под навесом, смотрел, как дождь бьёт по лужам. В лужах отражались фонари. Жёлтые, дрожащие.

Он курил и чувствовал, как остывают руки. Как запах сварки поднимается от рукавов. Как тяжелеют веки.

Домой он не поехал на автобусе. Пошёл пешком. Дорога шла вдоль забора, вдоль гаражей, вдоль пустыря. Он шагал по грязи, не обходя лужи. В ботинках хлюпало. Он не замечал.

Дома, не раздеваясь, сел на пол в прихожей. Прислонился к стене. Закрыв глаза. В темноте под веками всё ещё горела дуга. Белая, с синими краями. Она не гасла. Она никогда не гасла.

Глава 02. вОШЁЛ

Он вошёл в квартиру и первым делом снял ботинки. Не потому что так было принято, а потому что они были тяжёлые, мокрые, и ступни в них горели. Сел на корточки, развязал шнурки. Один шнурок был порван и связан узлом, но узел набух от воды и не поддавался. Он дёрнул сильнее. Шнурок врезался в палец, оставив красный след. Он дёрнул ещё. Узел не развязался. Тогда он снял ботинок через силу, стащил с пятки, чуть не вывернув ногу. Ботинок упал на пол, из него выкатилась камешек, прилипшая к подошве.

Второй снял проще. Поставил оба у порога. Носки снял, бросил на батарею. Они упали за батарею. Он не полез доставать.

Прошёл в комнату, не включая свет. В темноте добрался до торшера, дёрнул за шнурок. Лампа не зажглась. Он дёрнул ещё раз. Тишина. Тогда он на ощупь нашёл выключатель на стене. Верхний свет вспыхнул резко, без плафона — на потолке просто торчал патрон, и в нём голая лампочка, засиженная мухами. Свет был резкий, белый, без тени. Комната проступила сразу, вся, без жалости.

Стены были ободраны не специально, а временем. Обои отошли у потолка и свисали лоскутами. В углу, над окном, темнело пятно — мокрое, старое, просохшее и снова намокшее. Пахло пылью, старым тряпьем, окурками. Не то чтобы воняло, но воздух был спёртый, как в шкафу, который не открывали годами.

Он сел на диван. Диван просел под ним, пружины скрипнули не по-доброму, а с той особой усталостью, как скрипят суставы у больного человека. Одна пружина выпирала. Он знал её. Ещё в прошлом году она порвала обивку. Теперь там было отверстие, из которого торчал острый конец. Он сидел чуть правее, но сегодня устал и сел как попало. Пружина упёрлась в бедро. Он не подвинулся.

На полу лежал линолеум. Старый, в полоску, вытертый до основы. Возле порога он отклеился и загнулся углом. Каждый раз, проходя, он задевал этот угол носком. Можно было приклеить. Или отрезать. Он не делал ни того, ни другого. Угол лежал, задравшись кверху, как язык.

Напротив дивана стоял стол. Не письменный, а обычный, с ящиком. Ящик не закрывался до конца, потому что кто-то давно вырвал из него ручку, и теперь на её месте было отверстие, в которое пролезал палец. Он подошёл, потянул за отверстие. Ящик выехал с трудом, перекосялся, заскрипел.

Внутри лежали: изолента, старая вилка, гвозди, свечка без фитиля, отвёртка со сколотым жалом, пустая катушка ниток. Он взял катушку, повертел, положил обратно. Закрыв ящик. Тот не закрылся. Он пристукнул ладонью. Ящик встал на место.

На столе лежала газета. Сложенная пополам, с объявлениями, с расплывшимися буквами. Он не читал её. Просто смотрел. Потом взял карандаш, который лежал тут же. Карандаш был изгрызен. На тупом конце — следы зубов, глубокие, до дерева. Кто-то грыз его не от голода, а от нервов. Наверное, он сам. Но когда — не помнил. Карандаш был весь в мелких вмятинах, как будто его пожевала собака. Он постучал им по столу. Звук был глухой, деревянный. Положил на место.

Пошёл на кухню. Кухня была маленькая, три шага в длину, два в ширину. Свет он включать не стал. Из окна падал уличный свет — серый, сквозь немытую форточку. Хватило, чтобы не споткнуться. На плите стоял чайник, эмалированный, облупленный. Он снял крышку. Внутри — накипь, белая, шершавая. Он налил воду из-под крана, не споласкивая. Вода зашумела, пошла толчками, брызнула на руку. Холодная. Он вытер руку о штаны.

Зажёг газ. Спички лежали на подоконнике, в коробке

с оторванной боковиной. Коробка отсырела. Спичка ломалась. Он попробовал другую. Вспыхнула с третьего чирканья. Огонь лизнул пальцы. Он поднёс к горелке. Газ зажёгся с хлопком, синим кольцом. Он стоял и смотрел, как пламя лижет дно чайника. Чайник нагревался, вода внутри зашептала, потом забулькала.

Он достал кружку. Она была одна, с трещиной. Трещина шла от края вниз, тонкая, как волос. Он налил кипятка. Кружка нагрелась сразу. Он подержал её в ладонях. Горячо. Поставил на стол. Открыл шкафчик. Там пусто. Только банка с солью, старая, с каменной пробкой. И пакет с гречкой, завязанный узлом. Он не стал развязывать. Просто закрыл шкафчик.

Сел на табурет. Табурет был шаткий. Одна ножка короче. Он знал, с какой стороны она, и сидел так, чтобы не качаться. Но сегодня качнулся. Пришлось упереться ногой в пол. Так и сидел.

Кружка остывала. Пар поднимался, растворялся в темноте. Он смотрел на пар. Тот был едва виден, только у самого окна, где падал свет. Он пил кипяток мелкими глотками. Во рту — привкус железа, как будто вода шла по старым трубам. Так и было.

На холодильнике стоял радиоприёмник. Маленький, чёрный, с выдвижной антенной. Антенна была сломана и висела на одном суставе. Он нажал кнопку. Приёмник щёлкнул. Тишина. Он покрутил колёсико. Шипение, треск, обрывок голоса, снова шипение. Он выключил. Тишина стала глубже.

В ванной капала вода. Он слышал это с кухни: кап-кап. Пауза. Кап-кап. Он не пошёл закрывать кран. Кран всё равно не закрывался до конца, потому что прокладка стёрлась. Нужно было поменять. Он не менял.

Допив воду, он вернулся в комнату. В комнате было тихо, только часы. Они висели на стене, старые, с маятником за стеклом. Маятник стоял. Но механизм тикал. Тик-так. Тик-так. Он не сверял время. Часы всё равно отставали. На сколько — он не знал. Давно не смотрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.